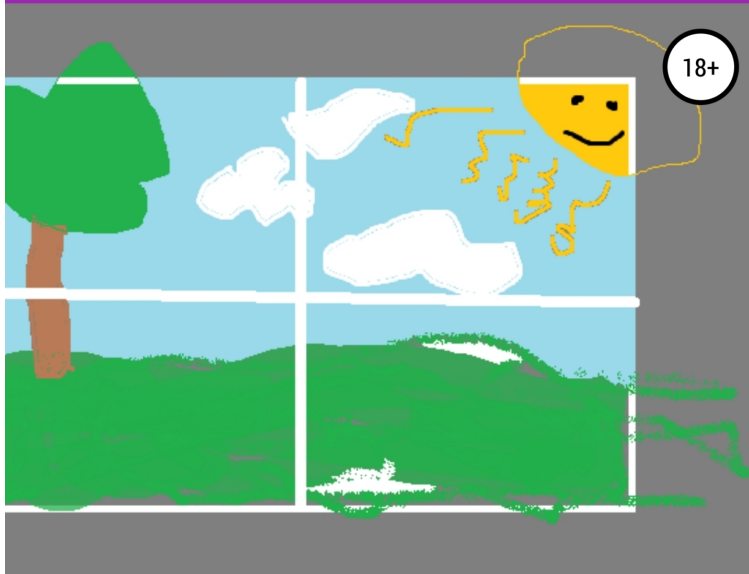

Мулька Пулькович

День как день

Мулька Пулькович Морковный

День как день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67903368

SelfPub; 2022

Аннотация

Вечное повторение в одиночной палате. Сегодня – это вчера или завтра? Не ясно, да и не важно. Только бы скорее выдали сигареты и пустили в туалет.

Мулька Морковный

День как день

"Сегодня на обед давали рагу с переваренной картошкой и несколькими нитями куриного мяса. Дрянь, но есть можно. Это уж точно лучше, чем гадкая манная каша, которую тут подают в любой день недели на завтрак, обед, ужин и прочие приемы пищи, о существовании которых люди за пределами больничных стен даже не подозревают".

Утро начинается с медсестры, громко вкатывающей в палату дребезжащую тележку с таблетками. Обмякшие со сна пациенты, гонимые зычными призывами медсестры, почесываясь, сходятся у тележки в ожидании. Как правило, утренний прием лекарств проходит в полной тишине, если не считать ленивые покрякивания санитарки, по мнению которой пациенты всегда медлят и никогда не проявляют к такой важной процедуре должного внимания. Пилули нехотя проглатываются, тележка со скрипом удаляется, а пациенты оседают на своих койках. До наступления завтрака их больше не беспокоят.

К. лежал на кровати и смотрел в потолок. По выбеленному потолку, угловато извиваясь и кривясь, ползла миллиметровая трещинка. К., не зная, чем себя занять, часто смотрел на нее и представлял, как та начинает разрастаться и толстеть. Он воображал, как трещина, расширяясь, огибает па-

лату и, оплетая собой все больничное здание, разваливает его на куски, погребая под грудой камней и больных, и здоровых.

На подоконнике возле постели К. лежала тетрадка, ручка, рулон туалетной бумаги, надкушенная с вечера булочка и книги, сложенные кривой стопкой. Чтение было одним из немногих доступных К. способов убить время и хоть как-то отогнать сигаретные мысли, что осаждали его непрерывно. Он просыпался с желанием покурить, с ним же ложился спать. Никотиновая ломка сводила с ума. К. казалось, что, если б ему выдавали больше шести сигарет в день, то все в его жизни было бы хорошо. Хоть он и помнил, что раньше, до попадания в больницу, он выкуривал порядка пятнадцати сигарет в день и счастливым от этого себя не чувствовал, но мысль о том, что все дело в количестве, его не отпускала. До утренней выдачи положенных трех штук оставалось еще больше часа. Сначала можно почитать, потом должны принести завтрак, который, без сомнения, будет отвратительным, но поможет скоротать еще полчаса, а уже после придет милостивая старушка-кухарка с набитым сигаретными пачками карманом передника.

К. взял с подоконника "Записки из мертвого дома" и попытался безостаточно погрузиться в текст. Описываемые в повести ужасы каторжной жизни ощущались затхлыми и темными, но особого трепета не вызывали. К. проводил параллели между собой и героем книги и находил много схо-

жего в двух судьбах, ничего общего не имеющих. Сцена с банькой, набитой вшивыми заключенными, слегка покорибила. К. вспомнил, как несколько дней тому назад ему вместе с соседями по палате пришлось мыться в тесной ванной комнате, где было душно и пахло потом. По скомканным и брошенным на пол больничным пижамам топтались сперва грязные, а позже чуть менее грязные ноги. Обилие мужских голых тел, неухоженных, волосатых и дряхлых туш отвращало К. от гармонии природного естества. В тот момент даже сам себе он казался омерзительно человеческим. Лучше быть грязным, чем вновь проходить через каторжную баньку с пауками и безопасным бритьем под пристальным наблюдением медсестры.

Когда К. почти одолел третью страницу, в дверном проеме палаты возникла голова. Это был Коляска, пришедший вернуть К. книгу. Обычно, он заявлялся к К. по утрам. Прежде чем войти, каждый раз Коляска сперва просовывал голову в дверной проем, внимательно осматривал палату и ее обитателей, а лишь затем, убедившись, что К. на месте, проникал в палату всем своим тощим телом и несмело семенил к его койке, держа под мышкой взятую накануне книжку. В его движениях сквозила робость, словно пациенты, завидев его, должны были погнать пришельца вон, забросав его тапочками и отборной бранью. Хотя никто и никогда на Коляску никакого внимания не обращал. Момент, когда кто-то из больничных балагуров, дабы позабавить нетребовательную пуб-

лику, прозвал его "Коляской", стал пиком Коляскиной славы. Даже врачи и медсестры редко уделяли ему свое время, предпочитая одаривать щепотками слов других пациентов.

Изо дня в день Коляска приходил, отдавал К. взятую прошлым днем книгу и просил дать ему новую. На вопрос, понравилась ли ему книга, он неизменно отвечал, что да, книга понравилась, но "это не совсем то". К. не понимал, какое же "то" было нужно Коляске, но никаких вопросов больше не задавал, а просто давал ему другую книгу, прекрасно зная, что уже на следующее утро она к нему вернется. Конечно, он не верил, что Коляска действительно успевает прочитывать книгу за одни сутки, но высказать свои сомнения не решался. Может, потому, что ему было жалко Коляску, ведь, помимо К., во всей больнице он ни с кем не общался. Вероятно, думал К., Коляска лишь пролистывал книгу и, не найдя на ее страницах ни одной картинки, возвращал ее обратно. Но возвращал не сразу, чтобы не подумали, что он ее не читал.

Подойдя к койке К., Коляска молча протянул ему потрепанный советский томик "Робинзона Крузо" и, заложив руки за спину, замер.

— Опять не то? – спросил К.

— Вообще-то, да, не совсем то. Хотелось бы чего-то другого.

— Ну хорошо. – сказал К., положил книгу на подоконник и достал из стопки "На западном фронте без перемен". – Надеюсь, эта подойдет. Там про войну. Дружба, любовь, пре-

возможания – всякое такое.

— Про любовь? – спросил Коляска, оживившись, что было несвойственно его полумертвой натуре.

— Ага, про любовь тоже есть кусочки. В основном, конечно, про любовь к дружбе и спиртному.

— А. – вмиг сник Коляска.

— А тебе что, хочется почитать про любовь? Давай тогда я тебе дам...

— Нет, нет. Вообще-то, мне такое неинтересно. Такое мне не нужно. Давай про войну.

— Держи.

Коляска взял книгу, произнес неразборчивую благодарность, потоптался, ушел.

Не успел К. взяться за книгу и окунуться в переливы кандального звона, заголосила кухарка, оповещая пациентов о наступлении завтрака. На пороге палаты возникла очередная тележка, на которой плотными рядами были расставлены металлические миски с манной кашей.

— Разбираем! – прогудела кухарка торжественно, будто принесла не кашу, а новогодний утренник в детский сад.

Манная каша вызвала в пациентах куда больше энтузиазма, чем таблетки. Возбужденно бурча себе что-то под нос каждый на свой лад, мужчины в пижамах выстроились в короткую очередь. Следом за первой тележкой приехала вторая. На ней в палату вкатились кружки с чаем, на каждую из которых была надета бутербродная шляпка с маслом и сы-

ром. Больные молча забирали положенные им порции и возвращались на положенные им места. Кто-то благодарил поваров за угощение, но их попытки быть вежливыми разбивались о непроницаемое лицо медсестры, исполненное чувством выполняемой обязанности, и тонули во всеобщей тишине.

— Так, а ты чего сидишь? – обратилась медсестра к К.

— Я не голоден.

— Ничего не знаю. Бери порцию, и чтобы все съел.

— Но я не хочу.

— Я все Венедикту Ерофеевичу расскажу. Пусть он с тобой разбирается. Вчера не хочу, сегодня не хочу – сколько можно! Ты что, хочешь с голоду умереть?

— Нет, просто я не люблю кашу.

— Ну хотя бы бутерброд с чаем съешь.

— Хорошо.

Скрипнув кроватью, К. встал и поплелся к тележке. Он взглянул на миски с кашей – оттуда за ним пристально наблюдали желтые зрочки сливочного масла, окруженные серой комковатой радужкой. Бутерброды с сыром К. тоже не любил, но продолжать препираться с медсестрой ему не хотелось. Еще в больничные бунтовщики запишут, а ему потом ходить и уворачиваться от укоризненных взглядов персонала. Лучше уступить.

Мутная чайная жижа в руках К. была еле теплой и отдавала сухой травой. К. размышлял. Каждый день на больничной

кухне это подобие на чай варят в больших жестяных чанах не за тем, чтоб пациентам было вкусно, но для того, чтобы удовлетворялась усвоенная с детских лет привычка чаепитию, без которого жизнь начинает казаться неполноценной, а мир вокруг холодным и чужим. Здешний чай – лишь имитация атрибута того образа жизни, который соответствует бытовому шаблону жизненного благополучия. Но лучше так, чем доедать вчерашнюю булочку в сухомятку.

"Сегодня мне сделали укол, который чуть не свел меня с ума. На несколько часов мой мозг превратился в жижу".

Сигареты выдали. К. вместе с другими запустили в туалет. Мужской туалет в больнице представлял собой узкую вытянутую комнату, от пола до потолка обложенную маленькими квадратами голубой плитки, большая часть которой была потертой и треснутой. В полу между двумя каменными перегородками зияла пара туалетных дыр, на месте которых, возможно, когда-то планировалось установить унитазы. Комната наполнилась дымом и людьми в белых больничных пижамах. К. сидел на корточках в углу и не дышал, пытаясь на как можно более долгий срок задержать дым в легких. Сигаретка, зажата в его вытянутых худых пальцах, медленно тлела и еле слышно пофыркивала. Все молчали, никто не хотел отвлекаться от никотинового удовлетворения. Только некоторые экземпляры перебрасывались короткими пресными замечаниями насчет невкусного завтрака и плохого самочув-

ствия.

А еще был Миша. Пока каждую палату по очереди вызывали в туалет, он, не в силах унять тягу, залпом выкурил три своих сигареты, и теперь, не насытившись, кружил по туалету и выпрашивал у пациентов слюнявые окурки.

— Оставишь покурить? – до слуха К. донесся обращенный к нему вязкий жалобный гул.

— Не могу. – ответил К., нахмурившись.

Худошавая фигура Миши витала в табачном дыме, собирая урожай недокуренных бычков. Большинство отказывалось делиться, некоторые с неохотой соглашались.

— Ну оставь докурить. – уже более настойчиво прозвучала над ухом К. Мишина мольба, когда тот, обойдя всех курящих, пошел по второму кругу.

— Не могу. У самого мало осталось.

Курить хотелось уже не так сильно. Миша перебил весь аппетит. Наслаждаться сигаретой, когда рядом стоял нуждающийся, К. не умел. Но он понимал, что уже скоро ему вновь до одури захочется курить, а потому продолжал вдыхать свой окурочек, до конца которого оставались считанные миллиметры.

— Оставишь докурить? – в третий раз, будто в первый раз, Миша обратился к К. со своим дежурным вопросом. Сигарета почти перестала существовать, и он волновался, что ему ничего не достанется.

— Нет.

Вернувшись в палату, К. мысленно тяжело вздохнул. Первая сигарета выкурена, и в ближайшие несколько часов ничего хорошего не предвидится. Он лег на кровать и стал решать, чем ему заняться. Вариантов было всего три: смотреть в окно, наблюдать за ростом трещины на потолке или читать. Остановившись на последнем варианте, К. взял в руки книгу и принялся покорять просторы сибирских степей. "Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его качество". К. ужаснулся от мысли, что когда-нибудь может привыкнуть к жизни в больнице, и она перестанет казаться ему столь невыносимой. Находиться здесь, конечно, станет легче, вставать по утрам будет спокойнее, здешняя еда уже не будет мозолить желудок. Но эти ошметки комфорта слишком дорого ему обойдутся. Свободно дышать, будучи запертым в газовой камере, это и есть шизофрения.

"Мама приходила. Принесла много вкусного. Она была очень красивой, когда стояла перед окном моей палаты. Она очень хорошо улыбалась. Раньше я не замечал, как красива ее улыбка".

После полудня пришла единоразовая поставка буйнопомешанных. По коридору разлетались шумы и шорохи. Медсестры то возмущенно, то насмешливо переговаривались между собой, обсуждая скорый приезд очередного крикливого клиента. Во двор больницы въехала маршрутка скорой

помощи, и уже через несколько минут в заднюю дверь больницы настойчиво постучали. Вслед за стуком, топотом и лязгом замка послышался хриплый нечленораздельный крик нового постояльца. Двое угрюмых санитаров крепкого телосложения ввели в палату перевязанного тряпками мужчину. Он вырывался и кричал, но делал это как-то лениво, натянуто, неубедительно, будто только полученный статус пациента психбольницы принуждал его так себя вести. Когда он, следуя отведенной ему роли, принимался материться, во всей его фигуре выражалась неловкость, а в глазах застывала просьба простить, если что не так. Голова мужчины была усыпана космами сальных волос. Длинные черные волосы на голове и чуть менее длинная всклокоченная борода сливались воедино, образуя на месте лица глянцевое черное пятно.

Мужчину уложили на кровать. Тряпками привязали руки и ноги к прохладному металлу койки. Мужчина застыл. Протестовать и ругаться он перестал, тело его обмякло, веки полузакрылись. Было видно, что он сильно устал. В воздухе мельтешили белые халаты. Все занимались делами. Мужчину уже никто не замечал.

Пациенты поглядывали на него с равнодушным любопытством. Никто особого интереса к новому соседу не проявил. Спустя полчаса все замерло и остановилось, и связанный мужчина, слившись с окружением, выглядел так, будто он всегда здесь лежал, будто сцены с санитарями и криками во-

все не было.

Тем временем подоспел обед. Тележка, лязг тарелок, призывный тон кухарки, голодное оживление, очередь на раздачу порций, металлическая посуда, мутный чай. Сегодняшний обед состоял из невнятного супа с плещущимися в нем грубо нарезанными ломтями моркови и картофеля, из кусочка белого хлеба и макарон с куриными шкурками. Внимательно осмотрев этот гастрономический коктейль и не найдя в нем ничего съедобного, К. почувствовал, что проголодался. Когда утром К. доел вчерашнюю булочку, все его съестные запасы иссякли. В тумбочке остались лишь крекерные крошки и полглотка апельсинового сока. Еду ему приносила мама. Почти каждый день она появлялась в его окне, улыбающаяся, растрепанная, свежая, с увесистым пакетом гостинцев в руках. Она передавала пакет медсестрам, те, проведя фильтрацию и возвратив запрещенные продукты, приносили пакет К. Часто в пакете, вместе с булочками, бананами и соками, лежала какая-нибудь милая записочка, написанная маминой рукой. "Очень скучаю, мой сырок". "Коты дома тебя все заждались". "Я тебя люблю". Трогательные банальности вызывали улыбку и пронизывали тоской, жалостью к себе и еще чем-то неприятным.

Уже третий день мама не приходила. Три дня К. был совершенно один. Срок небольшой, мелкий, ни о чем не говорящий. Мама могла быть занята. Множество бытовых дел и семейных забот забрали у нее все силы и время. Замоталась,

забегалась, вот и не пришла.

К. решил, что обедать сегодня не будет. Отнеся нетронутую порцию обратно, он развалился на постели и уставил глаза в потолок. Кухарка хотела было отчитать его за несъеденный обед, но, взглянув на К., поняла, что спорить бесполезно. Пациенты стучали ложками о металлические донья мисок. Столов в палатах не водилось, поэтому каждому из больных приходилось придумывать свою позу для приема пищи. Кто-то ставил тарелки с едой на подоконник, и там, усевшись на тумбочку, сидел, как за барной стойкой. Кто-то в качестве стола использовал саму тумбочку. Стулом ему служил край кровати. Такому приходилось есть согнувшись вдвое. Были и те, кто держал тарелку в руках и ел на весу. Все чавкали и утирали рты рукавами пижам. Стесняться было некого. Правила приличия остались где-то за стенкой, до востребования.

Медсестра созывает на послеобеденный перекур. Пациенты подрываются, хватаются за сигареты и бодрой походкой шагают к туалету. На лицах застыло выражение равнодушной дремоты, возникшее вместе с плотно набитым желудком. То же угрюмое молчание в табачной дымке туалета. То же Мишино кружение вокруг счастливых обладателей недокуренных бычков. К. все также сидел на корточках в углу и, сжавшись в комок, курил, думая о том, почему ему так зябко. Глаза его были закрыты. Одна рука держала сигарету, другая держалась за колючий затылок распахнутой пятерней.

— Оставишь покурить? – проскулил Миша свое заветное. Детское выражение мольбы и надежды на дряблом лице старика.

— Что?

— Оставишь покурить?

— Почему именно этот вопрос? Почему не спросить, как у меня дела? Или рассказать историю из молодости?

— Ну-у остааавь! – канючил Миша и, казалось, вот-вот готов был зарыдать или упасть в обморок. К. стало противно. Он никак не мог понять, чего тут больше: проигрывания четко отработанной схемы попрошайничества или голой честности мелкого чувства.

— Нет, не оставлю. Не хочу.

Миша застонал, нервно почесал заросшую щеку и обреченно огляделся по сторонам, выискивая взглядом тех, к кому еще он обращался со своей просьбой меньше трех раз. Не найдя таких, он уселся прямо на пол рядом с К. Помолчал. Потом сказал:

— У меня как-то некрасиво дрожат руки... Уже пять лет дрожат.

Больше он ничего не сказал, хотя по лицу было видно, что в голове у него зреет и гниет нечто, чему не добраться до языка.

К. сунул наполовину выкуренную сигарету в венозную Мишину руку, поднялся и ушел.

"Кажется, медсестры стали относиться ко мне куда обходительнее после вчерашнего. Приятно, но раздражает. Возможно, из-за произошедшего меня задержат тут еще на какой-то срок. Ужас. Но мне уже лучше. Гораздо лучше".

За зарешеченным окном шелестят березы, хвастаясь своей новоприобретенной зеленой гривой. Стая голубей клюет невидимые хлебные крошки, рассыпанные по асфальту. Подневольные облака, подгоняемые ветром, лениво ползут по небу. Гроздь воробьев свисают с веток и, хихикая, обсуждают меж собой свои воробьиные дела. За окном весна – лучшая ее часть. Когда почти месяц назад К. вместе с мамой и портфелем, набитым книгами и едой, шел по этой прибольничной лужайке, все вокруг было черным и слякотным. Слезились небо, струилась грязь по водосточным трубам. Теперь же здесь, нежась в пахучей траве, принимают солнечные ванны уличные коты, коих великодушно и щедро подкармливает больничный персонал. К. смотрел в окно и не верил, что и сам когда-то бывал на улице.

Он лежал на правом боку, прислушиваясь к сопящему носу и чувствуя сильный зуд в районе левой пятки. Недвижимый и молчаливый, он валялся на своей койке, ни о чем не думая и ничего не желая. Пятка чесалась все сильнее. Зуд, распространяясь, поднимался с пятки на щиколотку, с щиколотки на икру. Потом снова сползал до пятки и перебежал вдоль стопы к пальцам ног. К. давно нужно было сходить в туалет, но он этого не делал. Он игнорировал телесные позы-

вы. Периодически открывая глаза, он проверял, не уснул ли. Нет, не уснул. Когда спишь, не бывает так скучно. В больнице сон навещал его неохотно, хотя тот в нем нуждался и всякий раз пытался его призвать. Свет, проникавший в палату через окно, стал тусклым и теплым. Солнце катилось к закату. Подступал вечер. День подходил к концу.

Прибывший утром поросший черным мужчина окончательно прижился. Мужчина лежал на спине, не имея возможности переменить позу. Он все еще был привязан, но казалось, что ему это совсем не мешает. Он без конца бормотал себе что-то под нос, будто заучивая завершающий монолог для любительской постановки. Временами К. поглядывал на него не то с жалостью, не то с отвращением, не то просто потому, что нужно было хоть на что-то смотреть. Иногда ему даже удавалось расслышать, что именно шептал мужчина. Это были фразы из разряда житейских премудростей, ничего на деле не значащих, существующих лишь для удовлетворения желания что-нибудь сказать, когда сказать совсем нечего: "Да, такова уж наша доля", "Ничего уж не попишешь", "Всякое бывает с человеком". Он проговаривал эти слова, как мантру. Проговаривал и как будто успокаивался. Словно, укрывшись стеной нехитрых фраз, он защищал себя от всех неурядиц и хлопот, делался неуязвимым для любых печалей.

Глядя на заросшего мужчину, К. не выдержал и потянулся к ноге, чтобы унять раздражающий зуд. Он принялся че-

сать пятку так неистово, будто хотел докопаться искусанными ногтями до самой кости. Вдруг что-то мелькнуло. На периферии сетчатки возникло женское лицо, вставленное в раму окна. Мама. Всё-таки пришла. Сильно опоздала. Быть может, ей даже не позволят передать К. принесенные ему фрукты и булочки. Но она пришла. Всё такая же свежая и улыбкавая, челка торчком и ёрзающая рука, пытающаяся её пригладить. К. обнаружил незнакомые морщины на материнском лице. Мама постарела. Как у нее получилось так постареть всего за три дня?

Поймав взгляд К., мама улыбнулась ещё сильнее и приветственно замахала рукой.

– ..риве...ребено... дела? – что-то говорила мама. К. не мог разобрать.

– Чего?

– Привет, говорю! Как поживаешь? – почти закричала мама, и К. почти её расслышал. Он поднял вверх большой палец и приподнял уголки сжатых губ.

– ..ро... ..держ.. ..гла...

– Не слышу. – сказал К., указав пальцем на ухо.

Мама принялась рыться в сумке. Отыскав клочок бумаги и ручку, она долго что-то на нем черкала, а затем приложила исписанный листок к окну: "Вчера и позавчера не могла прийти. Сегодня освободилась только к вечеру. Прости. Всё хорошо? Что сказал врач? Люблю тебя".

С трудом прочитав неразборчивую записку, К. улыбнул-

ся с зубами и явно очертившимися ямочками на щеках. Он тихо засмеялся, а потом также тихо заплакал. Плакать было стыдно и неловко, но остановиться К. уже не мог. Он улыбался и всхлипывал. Всхлипывал, тер глаза – и улыбался.

На мамином лице изобразилось беспокойство. К. закрывал лицо руками. Мама говорила через стекло что-то нежное. К. утирал сочащуюся из глаз влагу и смеялся.